

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.3.10>

UDC 930.85
LBC 63.3

Submitted: 11.11.2015
Accepted: 29.04.2016

CONTRIBUTION OF RUSSIAN HISTORIANS-EMIGRANTS IN CHINA TO DEVELOPING THE HISTORICAL SCIENCE DURING THE PERIOD OF 1920-1940S

Qu Xueping

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Vladimir F. Pecheritsa

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Abstract. The object of this paper is the formation and development of the Russian expatriate history studies in 1920-1940s, and the characteristics of the Far East Russian expatriate historians. The author tries to analyze the theme of Russian expatriate historian contribution to the Russian national history. Russian expatriate historians actively participated in the academic research, book publishing, professional creation, social culture, education and other forms of activities. Through their works, they reproduced important events of Russia, Mongolia and China. In order to get accurate and mutual validation results, we have to use many generally accepted research methods, analysis of previous empirical data, and to consult lots of Russian expatriate materials during the study of Russian expatriate historian academic and social cultural activities. The key conclusion of the study is the following: this part of Russian expatriate historians made important contributions to the history studies development in China, and attention should be paid to their works, because the academic research activities of Russian expatriate historians have not stopped and continue today. The novelty of the research: it is the first comprehensive analysis of Russian expatriate historians' academic activities, specific working experience, and contributions to history studies, makes up for the gap of the study on Russian expatriate history studies in 1920-1940. In addressing the issues of the adaptation of the Russian scientific and historian in Manchuria, account should be taken of the biographies of eminent scholars as well as their educational activities in numerous schools. One of the tasks of Russian intellectuals in Manchuria is the promotion of Russian culture in Manchuria, which was always likely to be the key to understanding the history and culture of different peoples.

Key words: historical science and education of Russian China, research, teaching and educational activity, Russian intellectuals in China, emigrant intelligentsia, national history.

УДК 930.85
ББК 63.3

Дата поступления статьи: 11.11.2015
Дата принятия статьи: 29.04.2016

ВКЛАД РУССКИХ ИСТОРИКОВ-ЭМИГРАНТОВ В КИТАЕ В РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В 20–40-е ГОДЫ XX ВЕКА

Цюй Сюэпин

Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Российская Федерация

Владимир Федорович Печерица

Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Российская Федерация

Аннотация. Предметом исследования является вклад русских историков-эмигрантов в развитие исторической науки и образования на территории Китая в 20–40-х годах XX века. В статье рассматривается академическая, преподавательская, общественно-политическая, книгоиздательская деятельность русских историков восточной ветви эмиграции.

Ключевые слова: историческая наука и образование русского Китая, научная, преподавательская и воспитательная деятельность, русская интеллигенция в Китае, эмигрантская интеллигенция, отечественная история.

Октябрьская революция 1917 г. и Гражданская война в России выплеснули за пределы страны миллионы ее граждан. В числе русских беженцев в Китае и в первую очередь в Маньчжурии оказались тысячи деятелей науки и образования. Среди них находились и представители научной исторической общественности, имена которых были известны еще в царское время.

Разные по идейным воззрениям (кадеты и либералы, монархисты, меньшевики и представители других политических партий), все они в разной степени отрицали советскую власть, которая изгнала их за пределы России. Большинство эмигрантов, будучи высокообразованными интеллигентами, воспитанными на классических образцах вековой русской культуры, литературы и богатой истории, тосковали по Родине. Пронизанные сентиментальностью и ностальгией, они вкладывали в понятие культуры прежде всего великие произведения русской литературы. Именно в дореволюционной литературе, считали эмигранты, был заложен моральный и духовный потенциал. Литература явилась практически единственной основой культурного и национального исторического единства эмиграции и приобрела особое значение еще и в связи с тем, что многие историки, такие как Г.В. Мелихов, Н.В. Устрялов, Вс.В. Иванов и другие, выступали наравне с литературоведами, критиками и лекторами. Они уделяли литературным проблемам не меньше внимания, чем историческим.

Чтение и научная просветительская и преподавательская работа стали главными занятиями для творческой интеллигенции в непростых условиях изгнания.

Духовное творчество для русской интеллигенции явилось не только способом выжи-

вания, но и выполнением огромной исторической миссии – сохранить для грядущей России дореволюционную русскую культуру и ее традиции. Один из известных представителей старшего поколения культуры русского зарубежья К.Р. Кочаровский, говоря о задачах эмигрантов, отмечал: «Сотни тысяч русских людей, рассеянных по странам, это – великий посев семян русской культуры, и от них самих зависит теперь взрасти и дать плод. Историческая судьба как бы отрядила их в пространство, дав им широкие своеобразные возможности, сделав их физически как бы некоторым народно-культурным посланством России за границей».

В адаптации русских эмигрантов, в том числе представителей исторической общности на чужбине, важная роль принадлежит высшим учебным заведениям. Среди них Харбинский политехнический институт, Юридический факультет, Педагогический университет, Северо-Маньчжурский университет и другие, где русские профессора и доценты преподавали историю и занимались научной деятельностью.

Среди них ученые-историки Н.И. Никифоров, Н.В. Устрялов, В.А. Рязановский, М.Н. Ершов и др., имена которых были широко известны еще до революции 1917 года. Рассмотрим научную и педагогическую деятельность некоторых из них.

Николай Иванович Никифоров, уроженец Киевской губернии, родился 29 апреля 1886 г., в 1910 г. окончил Университет Св. Владимира в Киеве, был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию, в 1914 г., сдав выпускные экзамены в магистратуре, получил звание профессора. С 1914 по 1917 г. состоял приват-доцентом. Известны-

ми работами этого периода стали: «Освобождение крестьян от крепостной зависимости (1861–1911)», изданная в Киеве в 1911 г., а также «Сеньориальные повинности по наказам Этампского бальяжа 1789 года», часть которой была удостоена золотой медали – награды Университета Св. Владимира. В эти годы сформировался интерес Н.И. Никифорова к историко-экономической проблематике. А дальше начался путь в эмиграцию. В 1917–1919 гг. экстраординарного профессора кафедры всеобщей истории Омского политехнического института Н.И. Никифорова назначили директором Департамента министерства иностранных дел этого университета [1, л. 1]. В 1920–1921 гг. он являлся профессором Иркутского государственного университета [4; 5], затем, отступая с белой армией на Восток в 1921 г., Никифоров оказался во Владивостоке. Там он был избран профессором кафедры всеобщей истории Дальневосточного государственного университета. С утверждением в октябре 1922 г. советской власти в Приморье эмигрировал в Маньчжурию. С 1 января 1922 г. он работал в должности профессора на кафедре истории русского права Юридического факультета в Харбине. Здесь он читал историю русского права, всеобщую историю, историю экономических учений, новейшую всеобщую историю, историю торговли, одновременно вел практические занятия по общей истории и истории русского права, истории хозяйственного быта и семинары по истории русского права. Замеченное у студентов стремление к углублению изучения читаемых им предметов нашло отражение в работах в рамках организованного им при факультете научного кружка, а также в самостоятельном составлении студентами докладов. Исторический кружок под руководством профессора Н.И. Никифорова действовал до 1930 года [3, с. 315–326].

В 1928 г. Н.И. Никифоров защитил диссертацию по теме «Сеньориальный режим во Франции в исходе Старого порядка».

В годы харбинской эмиграции наблюдается постоянное обращение Н.И. Никифорова в своих научных публикациях к темам, раскрывающим историю через взаимосвязь с другими общественными науками, что способствовало развитию целого направления историко-

экономических сюжетов. Он был членом и секретарем испытательной комиссии, редактором журнала «Вестник Маньчжурского педагогического общества». Вот перечень его наиболее известных исторических трудов: История китайского права (библиография) // Вестник Маньчжурии. 1928. № 3. С. 88–93 ; История китайского права (библиография) // Библиогр. сб. б-ки КВЖД. 1928–1929. Т. 1 (II). С. 4–14 ; Обзор памятников монгольского права. Исторический очерк // Библиогр. сб. б-ки КВЖД. 1928. Т. 1 (VI). С. 281–311 ; Русская историческая наука за рубежом // День Русской культуры. 1930. 15 июня. Полный список его трудов опубликован в девятом томе «Известий Юридического факультета» [1, л. 2].

Перед Второй мировой войной Н.И. Никифоров уехал в США, где работал в должности профессора русской и европейской истории.

Еще задолго до эмиграции профессор Георгий Константинович Гинс был хорошо известен не только в России, Маньчжурии, но и в Европе и Америке. Родившийся в 1887 г., он окончил Петербургский университет в 1910 г., был учеником и последователем великого русского ученого, профессора Санкт-Петербургского университета А.П. Петражицкого. В 1911–1913 гг. он стажировался в университетах Берлина, Гейдельберга и Парижа. В 1916 г. в Петербургском университете сдал магистерские испытания по гражданскому праву и получил звание приват-доцента. В 1918–1919 гг. Г.К. Гинс занимал должность начальника канцелярии Совета министров адмирала Колчака, где сотрудничал с Н.В. Устряловым, Л.А. Устряловым, генералом Суриным [2].

Европейский образованный юрист, он имел глубокие познания в истории, этнографии, часто печатался в «Историческом вестнике», выходившем в Харбине. Им были опубликованы такие этнографические очерки, как «Таранчи и дунгане» (1911 г.), «В киргизских аулах» (1913 г.) и ряд статей по вопросам колонизации и кооперативного дела (Трудовой Сибири). Вот перечень его известных исторических трудов: Таранчи и Дунгане. (Очерки из поездки по Семиречью) // Исторический вестник. Серия «Восточная литература». 1911. № 8 ; Способы обеспечения обязательств (с точки зрения истории и системы гражданского права). Пг. : Сенат. тип., 1917.

29 с. ; Право и сила: очерки по истории теории права и политики. Харбин, 1929 ; Монгольская государственность и право в их историческом развитии. Харбин, 1932.

На Юридическом факультете Г.К. Гинс руководил кафедрой вплоть до его закрытия, читал лекции в Харбинском педагогическом университете, Северо-Маньчжурском университете, Коммерческом училище. В Харбине было издано более двух десятков книг и брошюр Г.К. Гинса, посвященных истории государства и права России и других стран.

В 1937 г. он издал сборник «Россия и Пушкин», в котором были опубликованы его известные статьи, такие как «А.С. Пушкин и русское самосознание», «Русское прошлое в произведениях Пушкина». Помимо научной и преподавательской деятельности Г.К. Гинс был одним из основателей предприятия «Русско-маньчжурская книготорговля», председателем совета директоров в Пригородном банке в Харбине.

Эмигрировав перед Второй мировой войной в США, Г.К. Гинс продолжал активно сотрудничать с эмигрантскими газетами Харбина, Шанхая. В 1942–1944 гг. редактировал сан-францисскую газету «Русская жизнь». В США продолжал работу, начатую еще в Китае: «История России как многонациональная империя», однако она осталась незавершенной.

В 1925 г. в Китай эмигрировал известный историк из России Георгий Густавович Тельберг. Уроженец г. Царицыно (1881 г.), ученик профессора Н.П. Загоскина, в 1903 г. окончил юридический факультет Казанского университета и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1917 г. Г.Г. Тельберг был избран деканом юридического факультета Саратовского университета и директором Экономического института как специалист в области истории права и государственных учреждений в России. 14 декабря 1919 г. он выехал за границу, где работал в должности профессора истории русского права Юридического факультета в Харбине, а также читал лекции по русской истории, государственному праву. Известен как автор большого числа исторических и юридических работ.

Среди историков-эмигрантов русского Китая заметно выделяется профессор В.А. Ряза-

новский. Одна из его крупных новаторских работ «История монгольского права» (Харбин, 1931) сегодня является библиографической редкостью. Работа состоит из трех частей, носит исторический характер и представляет первую попытку дать систематический очерк истории монгольского обычного права. Автор скрупулезно и последовательно проследил развитие основных институтов монгольского права, дал его развернутую характеристику и установил тенденции его развития [8, с. 277–281].

Одним из известных историков-эмигрантов был Матвей Николаевич Ершов. Он родился 1 августа 1886 года. С осени 1912 г. состоял исполняющим должность приват-доцента в Российской академии наук, в 1914 г. он защитил магистерскую диссертацию «Проблема богопознания в философии Мальбранша» и в том же году был утвержден в должности доцента на кафедре истории философии. Учителем Ершова был профессор В.И. Несмелов. С 1918 г. М.Н. Ершов стал профессором кафедры философии и деканом историко-филологического факультета во Владивостоке, где читал курсы лекций «История древней философии», «Введение в философию», «Университет. Наука и культура» и др.

В лекциях и монографических трудах М.Н. Ершов особое внимание уделял освещению истории развития философской мысли в России. В историческом движении философской мысли ученый видел определенный смысл: там «есть своеобразная внутренняя закономерность, наличествует известное нарастание богатства человеческой мысли».

В 1922 г. М.Н. Ершов получил приглашение Пекинского государственного университета, где читал курсы «Русская культура и философия XVIII–XIX вв.» и другие. В середине 20-х гг. он переехал в Харбин, где работал на Юридическом факультете.

В своем главном труде «Восток и Запад – прежде и теперь» историк философии исследовал основные линии и направления взаимоотношений «Востока и Запада» в историческом прошлом и в настоящем.

Профессор М.Н. Ершов известен не только своими исследованиями по истории философии, но и разработкой образовательных вопросов, связанных с культурно-историческим воспитанием русской эмигрантской молодежи.

Среди историков-востоковедов русского Китая выделяется имя Б.Я. Владимирцова. В 1909 г. он окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета по китайско-маньчжурскому разряду. Неоднократно он выезжал в составе полевой экспедиции на север и запад Монголии, ездил в Пекин для сбора материалов о языке, культуре и истории Китая и других народов Азии. В области исторической науки он наследовал традицию русского классического востоковедения и внес важный вклад в изучение восточных языков, литературы и истории. Как историк-востоковед он во многом формировался под влиянием работ своего знаменитого предшественника академика В.В. Бартольда. В эмиграции в Китае Б.Я. Владимирцов написал и опубликовал более 70 научных работ по всеобщей истории, которые до сих пор сохранили большую научную ценность. Среди них: «Буддизм в Тибете и Монголии» (1919), «Чингисхан» (1922), особенно известна его большая монографическая работа «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» (1934). В этой последней работе профессор Владимирцов переходит на позиции исторического материализма.

Объем статьи не позволяет авторам подробно проанализировать научную и преподавательскую деятельность всех историков русского Китая. Однако несомненно одно – все они внесли вклад в русскую историческую науку: формирование исторического самосознания у представителей эмиграции. Десятки историков эмигрировали или временно посещали Китай с целью научной или преподавательской работы. Часть из них оказалась на чужбине по различным другим причинам. Однако все они в разной степени были представителями русской культуры и русского образования.

В трудных условиях эмиграции, в чужой языковой среде они поддерживали творческий потенциал русской интеллигенции, опираясь на крепкую учебно-образовательную, издательскую базу, созданную в Харбине, Шанхае и других городах, доносили до массового читателя-соотечественника в изгнании слова исторической правды, поддержки и надежды на будущее.

Анализируя работы русских историков-эмигрантов, нетрудно заметить, что большин-

ство из них были исследователями, профессионалами, хорошо владевшими иностранными языками, в том числе восточными, и глубокими знаниями по истории, философии, праву, уделявшими большое внимание окружающим людям и событиям, внимательно осмысливавшими исторические события. В своих трудах, написанных в эмиграции, они откликнулись на острые проблемы, на необходимость дать наполненное новым смыслом прочтение русской истории.

Высокой и глубокой была их восприимчивость к историческому знанию и изучению прошлого, прежде всего прошлого своей родины – России. Именно в нем многие из них искали ответы на вопросы: что же произошло с Россией? почему у нее такая трагическая судьба? Интерес к истории русских ученых-эмигрантов был не случаен: «Они только что пережили самые тяжелые и мучительные исторические события. Их мир рушился у них на глазах, после нескольких лет кровавого братоубийства, когда утвердился совершенно новый политический и общественный строй, когда утвердилась другая культура», – пишет известный историк русской эмиграции Марк Раев [7, с. 203].

Историки-эмигранты русского Китая проявляли живой интерес как к событиям далекого прошлого России, так и к недавнему времени, испытывали любопытство к тому, что довелось пережить их товарищам в годы Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. Неудивительно, что интеллигенция Харбина, Шанхая и других центров эмиграции задавала себе вопросы: как могло случиться, что Россия оказалась охваченной революцией и кровавой Гражданской войной? как Россия отклонилась от «нормального» пути развития? Эти вопросы в своих публикациях ставили и профессор Н.В. Устрялов, и Г.К. Гинс, и писатель-историк Вс. Иванов. Статьи с подобным названием постоянно появлялись на страницах эмигрантской печати – в газетах «Заря», «Наше Время», журнале «Рубеж». За некоторым исключением уровень этих публикаций был весьма далек от научного анализа причин и следствий недавних трагических событий в России. Большинство публикаций носило обзорный, полемический характер в ущерб научному анализу. На этом фоне вы-

годно отмечались глубокие работы профессиональных историков В.А. Рязановского, Н.В. Никифорова и Н.В. Устрялова, М.Н. Ершова и других.

В русско-эмигрантской среде Китая в 20–40-е гг. XX в. были популярны исторические романы, мемуары, в которых делались попытки анализа событий и явлений с описанием психологических драм людей, переживших эти события. Зачастую такие романы воспринимались эмигрантской общественностью с большим интересом, чем научные труды. Этим в значительной степени объясняется популярность романов и исторических книг Вс. Иванова («Мы», «В тумане», «Мать» и др.). Вс. Иванов и подобные ему писатели-историки живо и доходчиво описывали и объясняли те или иные события как результат обстоятельств и непредсказуемых последствий действий отдельных людей.

К концу 30-х гг. XX в. в связи с расколом русской эмиграции постепенно падает интерес к историческим произведениям русских эмигрантов. Роль историков, исторической науки, исторического образования в русском зарубежье, в том числе и в Китае, снижается. Учитывая все возрастающие просоветские настроения эмигрантской интеллигенции в предвоенные и особенно военные годы, можно понять, что исследователи истории России, особенно эмигранты, уже не могли рассчитывать на обширную зарубежную аудиторию, а в СССР их труды вообще были запрещены.

Интерес к истории падает не только у старого поколения эмигрантов, но и у молодежи. Если в 20-е гг. родители-эмигранты с большим желанием прививали исторические знания молодому поколению, которое с интересом вчитывалось в исторические романы. Многие его представители учились в исторических и востоковедческих специальных вузах Харбина, Шанхая. Это нашло отражение в программах учебных курсов, которые читались в вузах и колледжах русского Китая. В 30-е гг., на фоне светлых перспектив своего существования в эмиграции многие русские изгнанники теряют интерес к учебе, в том числе к истории, образованию.

Такое положение тревожило научную и педагогическую общественность. Эти выводы выносились на обсуждение учительских

советов, съездов, педагогических обществ Маньчжурии, Шанхая и других русских колоний Китая. Передовая историческая общественность в эмиграции пыталась возродить интерес у молодежи к историческому знанию и образованию.

«История больше, чем какая-либо другая наука, способствует развитию национального самосознания и политическому образованию, поэтому преподаванию истории должно придаваться особенно важное значение» [6, с. 252], – говорилось в решениях Съезда представительного национального Союза русской молодежи, состоявшегося 4 июля 1930 г. в Белграде. В его работе участвовали и представители Общества русских педагогов и Учительского Союза Харбина и Шанхая.

Актуально и остро сегодня звучат призывы делегатов этого съезда к эмигрантской молодежи. «В области преподавания национальной истории, – говорилось на этом съезде, – нужно подчеркнуть исконное единство всех ветвей русского народа, дать научное объяснение не только возникновению “Украины” первоначально как географического термина, но также в последнее время как сепаратистского движения, питаемого враждебными России иностранными державами. Ввиду возникновения в последнее время самостийных течений среди отдельных белорусских и казачьих групп необходимо разоблачить как абсурдность их притязаний с исторической точки зрения, так и вредность их с точки зрения национальных интересов, а также указать на иностранные источники, их питающие. В область исторического обозрения включались и судьбы русского народа, находившегося за пределами русского государства (Прикарпатская Русь, Галиция). Внутренняя и внешняя политика России должна быть всегда трактуема под углом зрения национальной целесообразности. Особое внимание должно быть посвящено славянской политике России. Нужно проследить проникновение в Россию с Запада и развитие в ней революционных течений, равно как и объективные условия и недостатки государственного устройства, им благоприятствовавшие. Дать объяснение русской сравнительной экономической отсталости и запоздалому развитию широкого просвещения,

равно как и позднему развитию гражданских свобод, имея в виду войны в целях достижения национального объединения и естественных границ, огромность и редкую населенность русской территории, земледельческий характер страны и т. д.» [6, с. 252].

Надо посвятить время выяснению слабого развития национального и государственного самосознания как среди русской интеллигенции, так и среди народа. Ввести в курс истории краткое изучение достижений русской культуры во всех ее областях (науки, живописи и скульптуры, музыки и т. д.) [6, с. 253].

Однако, несмотря на призывы эмигрантской исторической общественности возродить у молодежи интерес к историческому образованию и науке, в предвоенные годы этот интерес ослабевает, как и исчезают перспективы вернуться на Родину. Помимо профессиональных историков немногие продолжали углублять свои знания о прошлом России, о недавних революционных событиях. Большинство эмигрантской молодежи уже негативно относилось к трагическому прошлому их родителей, из-за которого они находились на положении неудачников, изгоев, аутсайдеров в школе или вузе и вообще в чужой стране, где они уже не могли достичь приемлемого социально-экономического политического положения (поскольку их возвращение на Родину в сущности невозможно). Разумеется, некоторые дети эмигрантов продолжали проявлять интерес к истории и поступали в университеты, но в большинстве случаев там они изучали историю зарубежных стран, поскольку могли работать с архивным материалом и обучаться под руководством известных иностранных специалистов. Такая ситуация особенно наблюдалась в вузах Шанхая, где русская молодежь ориентировалась на западную культуру и историю. В русском Харбине у эмигрантской молодежи такой перспективы почти не было.

И все же, несмотря на все трудности, историческая общественность русского Китая продолжала свою подвижническую деятельность. Историки видели свою задачу не только в том, чтобы найти кафедру для продолжения педагогической деятельности, совершенствования знаний, но и в том, чтобы

улучшить и совершенствовать систему высшего образования российских вузов, тем самым обеспечив квалифицированное образование и передачу научных традиций молодому поколению.

Богатая история русской эмиграции в Китае, многозначные и глубокие исторические труды ее представителей являются неотъемлемой частью русской истории и культуры, и на сегодня она привлекает пристальное внимание ученых деятелей культуры всего мира. Вклад историков-эмигрантов, в том числе и дореволюционной ветви, в историческую науку и в мировую культуру трудно переоценить. И сегодня их труды очень популярны, многие из них являются неоцененными учебными материалами для вузовского преподавания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. 830. – Оп. 1. – Д. 54094. Доклад профессора Никифорова «Российская эмиграция и Великая Азия».
2. ГАХК. – Ф. 830. – Оп. 3. – Д. 4459. – Л. 86. Месячные отчеты о работе культурно-просветительных кружков при бюро.
3. Камков, А. А. Отчет о состоянии юридического факультета 1920–1930 / А. А. Камков // Известия Юридического факультета. – Харбин : Художественная тип., 1931. – С. 315–326.
4. Майдачевский, Д. Я. История хозяйственного быта в Иркутском государственном университете: 1920-е годы / Д. Я. Майдачевский // История вузов России : материалы VI Всерос. заоч. науч. конф. – СПб., 1997. – С. 66–68.
5. Майдачевский, Д. Я. Их путь в изгнание лежал через Иркутск. К истории русской научной эмиграции в Харбине / Д. Я. Майдачевский // Восток и Россия: взгляд из Сибири : материалы и тез. докл. к науч.-практ. конф. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1996. – С. 388–391.
6. Печерица, В. Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае, г. Владивосток / В. Ф. Печерица. – М. : Изд-во ДВГУ, 1998. – 276 с.
7. Раев, М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / М. Раев. – М. : Прогресс-Академия, 1994. – 296 с.
8. Тельберг, Г. Библиография. В.А. Рязановский. Монгольское право (преимущественно обычное) / Г. Тельберг // Известия Юридического факультета. – Харбин : Художественная тип., 1931. – С. 277–281.

REFERENCES

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraia* [State Archive of the Khabarovsk Region], F. 830, Op. 1, D. 54094. Report by Professor Nikiforov "Russian Emigration and the Great Asia".

2. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraia* [State Archive of the Khabarovsk Region], F. 830, Op. 3, D. 4459, L. 86. Monthly Reports on the Cultural and Educational Circles at Bureau.

3. Kamkov A.A. Otchet o sostoyanii yuridicheskogo fakulteta 1920-1930 [Report on the Status of Law Faculty of 1920-1930]. *Izvestiya Yuridicheskogo fakulteta*, 1931, pp. 315-326.

4. Maydachevskiy D.Ya. Istoriya khozyaystvennogo byta v Irkutskom gosudarstvennom universitete: 1920-e gody [The History of Economic Life in the Irkutsk State University: 1920s]. *Istoriya vuzov Rossii: materialy VI Vseros. zaoch. nauch. konf.* [History of Russian Universities: Materials of the 6th All-Russian Distance-Learning Scientific Conference]. Saint Petersburg, 1997, pp. 66-68.

5. Maydachevskiy D.Ya. Ikh put v izgnanie lezhal cherez Irkutsk. K istorii russkoy nauchnoy emigratsii v Kharbine [Their Journey Into Exile Went Through Irkutsk. On the History of Russian Scientific Emigration in Harbin]. *Vostok i Rossiya: vzglyad iz Sibiri: materialy i tez. dokl. k nauch.-prakt. konf.* [East and Russia: A View From Siberia: Proceedings and Abstracts for Scientific and Practical Conference]. Irkutsk, Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 1996, pp. 388-391.

6. Pecheritsa V.F. *Dukhovnaya kultura russkoy emigratsii v Kitae, g. Vladivostok* [The Spiritual Culture of Russian Immigration in China]. Moscow, Izd-vo DVGU, 1998. 276 p.

7. Raev M. *Rossiya za rubezhom: Istoriya kultury russkoy emigratsii. 1919-1939* [Russia Abroad: Cultural History of the Russian Emigration. 1919-1939]. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1994. 296 p.

8. Telberg G. Bibliografiya. V.A. Ryazanovskiy. Mongolskoe pravo (preimushchestvenno obychnoe) [Bibliography. V.A. Ryazanovsky. Mongolian Law (Mainly Conventional)]. *Izvestiya Yuridicheskogo fakulteta*, 1931, pp. 277-281.

Information About the Authors

Qu Xueping, Postgraduate Student, Department of Russian History and Archival Studies, School of Humanitarian Sciences, Far Eastern Federal University, Russian OPS-2, FEFU, bld. 9, room no. 5034, 690922 Vladivostok, Russian Federation, 13664527001@163.com.

Vladimir F. Pecheritsa, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of International Relations, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Sukhanova St., 8, 690091 Vladivostok, Russian Federation, prof.pecheritsa@gmail.com.

Информация об авторах

Цюй Сюэпин, аспирант кафедры отечественной истории и архивоведения, Школа гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, о. Русский-2, ДВФУ, корп. 9, комн. 5034, 690922 г. Владивосток, Российская Федерация, 13664527001@163.com.

Владимир Федорович Печерица, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет, ул. Суханова, 8, 690091 г. Владивосток, Российская Федерация, prof.pecheritsa@gmail.com.